

Р. Чандлер

Пол животных в повести
А. Платонова «Джан», или Вы-
бранные места
из электронной переписки с дру-
зьями

В своей деятельности переводчик часто вынужден обращать внимание на некоторые особенности текста-источника, которые обычно проходят мимо сознания человека, читающего на своем родном языке. Вряд ли кто-нибудь из русских читателей станет задумываться над тем, какого пола животные, изображенные в повести А. Платонова «Джан». А вот переводчик на английский никак не может обойти подобный вопрос. В этом проявляется диктат языка.

Так, например, в английском языке слово «кот» (a cat) может быть соотнесено с местоимениями 3-го лица мужского, женского или среднего рода *he*, *she* или *it*. Если это мое собственное или же хорошо известное мне животное, то я, скорее всего, буду говорить о нем как о *he* или *she*. Таким образом, выбор местоимения зависит от двух факторов: во-первых, от пола животного, во-вторых, от степени нашего знакомства. Англичане используют местоимение *it* не только тогда, когда пол животного указывать необязательно, но и тогда, когда животное для них чужое.

В 5-й главе повести А. Платонова «Джан» главный герой Чагатаев встречает верблюда. В первых вариантах перевода нами использовалось местоимение *it*. Однако мой сопереводчик из Америки Ольга Меерсон не соглашалась с этим. Она подчеркивала, что Чагатаев воспринимает верблюда абсолютно как человека – это особенно видно в конце главы, когда Чагатаев с трудом может заставить себя есть его мясо. Употребление же местоимения *it* имело своим следствием не только невыраженность пола животного, но приводило к полной его деперсонализации. Ольга Меерсон настаивала, что верблюд – это *he*. Некоторое время я колебался, в основном потому, что не был уверен, что верблюд был именно мужского пола. Но Мария Стюард (русская душою) указала мне на то, что если бы Платонов имел в виду особь

женского пола, то он использовал бы слово «верблюдица». Она напомнила мне о парах «тигр-тигрица», «лев-львица», «слон-слониха», «медведь-медведица» и т.д. Я и не думал, что существует слово «верблюдица», ведь в английском языке картина иная, чем в русском. У нас есть слова *tigress* и *lioness*, но нет *bearess*, *elephantess* или *cameless*! Итак, Ольга Меерсон оказалась совершенно права: верблюд действительно был *he*.

Далее нужно было разобраться с полом нескольких черепах, которые там и сям разбросаны по страницам повести «Джан». Сначала чисто интуитивно мы использовали местоимение *it*. Но Ольга Меерсон снова начала возражать, говоря, что черепахи у Платонова выглядят такими очеловеченными и «женственными», что нельзя превращать их во что-то неодушевленное. Моя жена, однако, оспаривала употребление местоимения *she* на чисто натуралистическом основании. Она совершенно логично указала, что надо быть большим знатоком, чтобы определить пол черепах.

Я написал Марии Стюард письмо о раздиравших нас сомнениях. Она ответила следующее: «Здесь для носителя русского языка определяющую роль играет грамматический род. Такие животные и птицы, как черепаха, лиса, сойка – в первую очередь *females*, в то время как волк, барсук, коршун – *males*. Это хорошо видно в сказках, где животные очеловечиваются, например, Лиса Патрикеевна (по отчеству видно, что она *female*).

Кроме того, Платонов указывает, что черепаха маленькая, что у нее черные нежные глаза и она любопытная. Это, скорее, женские признаки. В пользу такой атрибуции пола есть еще один аргумент: в конце 6-й главы приблизительно такими же словами описывается девочка Айдым: она тоже маленькая, у нее черные блестящие глаза, полные любопытства и доверия к жизни. Кроме того, в повести девочка Айдым действительно связана с черепахой и даже замещает ее. Это не совсем абсурдное утверждение. Сначала при встрече Чагатаев говорит черепахе, что он не оставит ее, но дальше в тексте ничего про эту черепаху не сообщается (то есть Чагатаев вряд ли взял ее с собой). В случае же с Айдым подробно описывается, как Чагатаев уговаривает отпустить с ним девочку. У Платонова животные и люди связаны не просто формальными связями – они составляют единый мир, «прорастают» друг в друга (это, собственно, особенность мифологического мышления). В повести «Джан» есть еще одна черепаха, умершая. Ее Чагатаев зарывает в песок. В этом случае я бы тоже считала, что черепаха женского пола. В восприятии Чагатаева она соотносится с умершей Верой. Я согласна с Ольгой Меерсон и тоже считаю, что черепахи у Платонова все-таки *she*».

Эти доводы сразу меня убедили. Но оставалось еще решить, какое местоимение употреблять по отношению к старой, беззубой собаке, которая несколько раз появляется в повести «Джан». Наши мнения разделились: я и Ольга Меерсон считали, что она – *she*, моя жена склонялась в пользу *it*.

Мария Стюард написала мне следующее: «На первый взгляд кажется, что раз нет никаких подсказок относительно пола собаки, то надо употреблять местоимение *it*. Однако собака у Платонова очеловечена, и возникает желание это подчеркнуть. Для этого, конечно, можно употреблять как *he*, так и *she*, но какое именно из этих местоимений следует выбрать, можно решить только в контексте других произведений Платонова, где тоже встречаются собаки. Следует обратить особое внимание на собаку Илюшку в повести «Епифанские шлюзы». Эта собака, чей вой предвещает исчезновение воды из Иван-озера, является хранителем озера, то есть вход в поземный мир (здесь травестируется образ Ильи Пророка как громовержца и змеборца). Илюшка выступает в роли Цербера. Кроме того, еще и из клички ясно, что собака мужского пола. Илюшка – это уменьшительная форма мужского имени Илья».

Мария Стюард процитировала также сноску о собаках из своей ранее опубликованной статьи: «В произведениях А. Платонова собака может являться символом нижнего мира. В романе «Чевенгур» собака Жучок – символ данного города, находящегося в низине, как бы на дне озера. В повести «Джан» собака, как истинный представитель нижнего мира, связана с народом джан, жившим на «адовом дне» Сары-Камышской впадины. В первый же день жизни на родине Чагатаев увидел собаку и удивился, «потому что никаких домашних животных он здесь ни разу не видел». В военном рассказе «Штурм лабиринта» действие происходит в городе с большой подземной частью. Вой собаки после проведения боевой операции предвещает конец существования подземного города, а также смерть Елисея (он погиб при штурме)».

«Из всего этого, – заключила Мария Стюарт, – видно, что собака в повести «Джан» представляет собой сниженный образ хранителя нижнего мира. Она слабая, старая, беззубая, и этот ее образ соответствует общей атмосфере ветхости и смерти, в которой живет народ джан. Но собака, несомненно, только *male (he)*».

Все сказанное выше показалось мне чрезвычайно интересным. Однако у меня сохранялось сомнение. Мы продолжили обсуждение:

R.Ch.: Все, что Вы говорите насчет Илюшки и Жучка, звучит убедительно, но это все-таки не обязательно значит, что и в повести «Джан» собака мужского пола. Возможно, Платонов не хотел прояснить этот вопрос? Возможно, в повести «Джан» он не хотел, чтобы вход в нижний мир охранял сторож, чей пол был бы определен?

M.S.: Если Платонов не эксплицировал пол, то у него, конечно, были на то основания. Там все травестировано. Однако собака на самом деле мужского пола, а вот подает он ее действительно неопределенно. У Вас есть редкая возможность (в силу особенностей английского языка) вывести на поверхность то, что Платонов глубоко спрятал.

Обратите внимание на то, что в повести «Епифанские шлюзы» и романе «Чевенгур» пол собаки подчеркнут кличкой. В повести «Джан» у собаки клички нет, потому что собака неизвестно откуда взялась, она пришлая. Это очень важно: люди не заводили собаки, ее не должно было там быть, но она там *есть*, совершенно никому не известная. Похожий случай – в военном рассказе «Штурм лабиринта». В конце рассказа раздаётся вой собаки, при этом саму ее не видно, Но совершенно ясно, что это *male*. Дело в том, что у Платонова решение метафизических вопросов часто связывается с мужчинами, в том числе и с собаками – *males*. Помните собаку Волчек в одноименном раннем рассказе – это же прообраз Вощева: собака думает над вопросами смысла жизни и устройства мира. Собак – *females* Платонов в свой мир не допускал. Сложность для нас усиливается тем, что Платонов не использовал слово «пес», где пол животного определен однозначно как мужской. Наверное, это слово казалось писателю грубым в сравнении с его очеловеченными животными.

Спор продолжался. Я приведу еще отрывки из нашей переписки:

P.Ch.: А если Платонов что-то не вывел на поверхность, не стоит ли и нам выполнить авторскую волю? Если бы он захотел, он бы мог прояснить пол этого животного.

M.S.: Не мог. Собака взялась неизвестно откуда. А кроме того, он надеялся, что его поймут – он хотел, чтобы его поняли.

P.Ch.: Английское *it* вовсе не значит, что собака бесполоя, оно значит, что ее пол не сразу заметен. Нет никаких оснований для того, чтобы переводчик эксплицитировал что-либо с большей ясностью, чем автор. Я нисколько не сомневаюсь в том, что Вы правы, говоря, что эта собака мужского пола. Но это совсем не значит, что это нужно сделать явным.

M.S.: O'K.

P.Ch.: Еще одна причина в пользу выбора местоимения *it* заключается в том, что английское *he* представляет собаку как хорошо нам знакомую. Мы употребляем местоимение *it* тогда, когда собаки и кошки нам незнакомы, и с большей вероятностью употребим местоимения *he/she*, когда знаем животное (и, следовательно, его пол). Возможно, что местоимение *he* делает собаку даже *менее* мифологичной. Я все-таки склоняюсь в пользу *it*, потому что *he* превратит собаку в хорошо знакомую.

Далее я привожу отрывок из повести «Джан», где фигурирует эта собака, из-за которой загорелся весь сыр-бор. Сначала дается русский текст, потом он же в нашем переводе на английский:

«Рядом была другая камышовая хижина, построенная в форме кибитки. Около нее сидела небольшая собака. Чагатаев удивился ей, потому что никаких домашних животных он здесь ни разу не видел. Черная собака смотрела на Чагатаева, она открывала и закрывала рот, делая им движение злобы и лая, но звука у нее не получалось. Одновременно она поднимала то правую, то левую переднюю ногу, пытаясь развить в себе ярость и бро-

ситься на чужого человека, но не могла. Чагатаев наклонился к собаке, она схватила своей пастью его руку и потерла ее между пустыми деснами – у нее не было ни одного зуба. Он попробовал ее за тело – там часто билось жестокое жалкое сердце, и в глазах собаки стояли слезы отчаяния».

«Next to Durdy's was another reed hut, built in the shape of a yurt. Beside it sat a small dog. Chagataev was surprised – never before had he seen any domestic animals here. The black dog looked at Chagataev, opening and closing its mouth, going through the movements of barking and rage but without any sound coming out. At the same time it lifted its front paws, first the right and then the left; it was trying to work itself up into a fury before attacking the strange man – but it couldn't. Chagataev bent down over the dog; it grabbed his hand in its jaws and rubbed it between empty gums; the dog did not have so much as one tooth. Chagataev felt the dog's boy; a cruel, pathetic heart was beating rapidly, and in the dog's eyes were tears of despair».

Если бы мы употребили здесь мужское местоимение *he*, собака сразу бы показалась менее старой и дряхлой. Использование местоимения *he* наполнило бы собаку жизненной силой и активностью, которых у нее на самом деле не было.

Я до сих пор считаю, что правы были и я, и Мария Стюард. Будучи котом ученым, она была права в определении мужского пола собаки. Как переводчик прав был я: перевод многое бы потерял, если бы мы эксплицировали пол животного. Я думаю, что Маша это поняла.

Параллельно и даже раньше, чем приступить к определению пола животных в повести «Джан», мы с Машей Стюард обсуждали название лошади Пролетарская Сила в уже переведенных мной и опубликованных отрывках из романа «Чевенгур». Маша критически отнеслась к моему варианту. Она писала: «Почему Вы перевели название лошади как «Strength of the Proletariat»? Это единственно возможный вариант?»

R. Ch.: Отнюдь нет. Возможны еще выражения «Proletarian Power/Force/Strength», а также некоторые другие. Однако мне нравится именно «Strength of the Proletariat», потому что оно напоминает по звучанию бывшие раньше в ходу названия больших паровозов, например «Duchess of Westmoreland», «Queen of the North».

И естественно, что я не преминул задать Марии Стюард вопрос про пол этого прекрасного животного. Пролетарская сила – является ли она *male* или *female*? Задав этот вопрос, я спокойно сел на современную электричку, мало чем напоминающую былые великолепные машины, и отправился на уик-энд в окрестности Лондона. Я и не ожидал, что Маша все это время, пока я гулял по росистым лугам, будет заниматься гендером Пролетарской Силы. Усталый, но довольный я возвратился в Лондон и нашел следующее электронное послание: «В решении этого вопроса я прошла две стадии. Сначала, немного подумав, я решила, что Пролетарская Сила, скорее всего, *she*. В пользу этого говорил грамматический род имени (хо-

тя это не жесткий аргумент), слишком тесная связь между Копенкиным и Пролетарской Силой, а также неизвестно откуда взявшаяся у меня уверенность, что по отношению к Пролетарской силе Платонов чаще употребляет слово «лошадь», чем «конь» (хотя это тоже не жесткий аргумент). Я решила проверить правильность своего предположения и с этой целью просмотрела в электронном варианте романа все контексты, где встречается название лошади. Результаты меня ошеломили и заставили изменить свое мнение на противоположное.

а) Во-первых, оказалось, что Пролетарская Сила гораздо чаще «конь», чем «лошадь». Слово «конь» не является обозначением только *males*, но все-таки по преимуществу обозначает именно *males*.

б) Кроме того, при описании Пролетарской Силы постоянно подчеркиваются благородные качества этого животного и при этом последовательно употребляется слово «конь». Благородный конь – это, скорее всего, именно *male*.

в) Ударный аргумент! Когда крестьяне восхищаются лошастью Копенкина и предлагают ему ее продать, они называют коня «Драбан Иваныч!» Из этого совершенно ясно, что конь – *male*, в противном случае они употребили бы отчество «...Ивановна». Крестьяне бы не ошиблись в определении пола лошади.

г) Тоже сильный аргумент! В сказках помощником героя выступает конь-*male*. А у Платонова фольклорная подоснова образа очевидна».

Скоро я возьмусь за полный перевод романа «Чевенгур». И хотя я не сомневаюсь в правильности сказанного выше, я все-таки не знаю, как поступить. Платонов ведь глубоко спрятал то, что раскопала Маша. В романе есть только один безоговорочный знак истинного пола лошади. Какую-то неопределенность Платонов, видимо, хотел сохранить. А как по-английски сохранить эту неоднозначность, я не знаю. Для решения этой проблемы у меня еще есть три года.

Авторизованный перевод выбранных мест с англ. Марии Стюард.

